

ГАРРИ ФРАНКФУРТ

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И МОРАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ*

Практически во всех современных исследованиях проблемы свободы воли доминирует принцип, который я буду называть «принципом альтернативных возможностей». Этот принцип гласит, что человек является морально ответственным за сделанное только в том случае, если мог поступить иначе. Точное значение данного принципа является предметом спора. В частности, спор идет о том, обязан ли соглашающийся с ним также полагать, что моральная ответственность и детерминизм несовместимы. Однако практически никто не склонен отрицать или даже ставить под вопрос истинность принципа альтернативных возможностей в той или иной его форме. В общем он представляется настолько убедительным, что некоторые философы даже считали его истинным *a priori*. Люди, чьи позиции по вопросу о свободе воли или о моральной ответственности радикально расходятся, очевидно, находят в нем надежную и удобную общую платформу, на которой они могут продуктивно отстаивать свои противоположные позиции.

Однако принцип альтернативных возможностей ложен. Человек может быть вполне ответственен за то, что совершил, даже если не мог поступить иначе. Правдоподобность этого принципа — иллюзия, которую можно развеять, более прицельно рассмотрев соответствующий моральный феномен.

I

В поисках иллюстраций к принципу альтернативных возможностей естественно вспомнить о ситуациях, когда некоторые обстоятельства, с одной стороны, приводят к тому, что человек совершает определенный поступок, а с другой стороны, делают для него невозможным

*© Философия. Журнал Высшей школы экономики. Перевод: А. С. Мишура. Оригинал: *Frankfurt H. Alternate Possibilities and Moral Responsibility // The Journal of Philosophy*. — 1969. — Vol. 66, no. 23. — P. 829–839.

избежать его совершения. Таковы, к примеру, ситуации, в которых человека принуждают к какому-либо действию, в которых его побуждают действовать через гипнотическое внушение или в которых некоторое непреодолимое внутреннее влечение подталкивает его сделать нечто. В ситуациях подобного рода имеют место обстоятельства, которые делают невозможным для человека поступить иначе, и именно эти обстоятельства приводят к тому, что он делает то, что делает, каким бы ни было это действие.

Тем не менее могут иметь место такие обстоятельства, которые образуют достаточные условия для совершения человеком определенного действия и, следовательно, делают для него невозможным поступить иначе, но при этом данные обстоятельства в действительности не побуждают человека действовать или каким-либо образом производить свое действие. Человек может совершить нечто в обстоятельствах, которые не оставляют ему альтернатив, однако реально эти обстоятельства не будут двигать им или направлять его поступок. На самом деле эти обстоятельства вообще не будут играть никакой роли в совершении действия.

Изучение ситуаций с такого рода обстоятельствами, как я полагаю, вызывает сомнения в том, что для вопросов о моральной ответственности существенен тот факт, что совершивший некоторый поступок человек не мог поступить иначе. Я представлю некоторые примеры таких ситуаций в контексте обсуждения принуждения, а также покажу, что наши моральные интуиции относительно данных примеров ведут к опровержению принципа альтернативных возможностей. Затем я рассмотрю этот принцип на более общем уровне и объясню, что именно, по моему мнению, с ним не так, а также опишу кратко и без аргументации, как его можно было бы надлежащим образом скорректировать.

II

Обычно признается, что человек, которого принудили нечто сделать, сделал это несвободно и не несет моральную ответственность за данный поступок. Поэтому может сложиться впечатление, что теория о взаимоисключающем характере принуждения и моральной ответственности является не более чем частной версией принципа альтернативных возможностей. Естественно утверждать, что человек, которого заставили нечто сделать, не мог поступить иначе. И легко может показаться, что принуждение лишает человека свободы и моральной ответственности

просто потому, что оно представляет собой частный случай неспособности поступить иначе. Таким образом, принцип альтернативных возможностей может черпать правдоподобие из ассоциативной связи с очень убедительным тезисом, согласно которому моральная ответственность исключается принуждением.

Однако ошибочно полагать, что так и должно быть. Из того факта, что человек был принужден сделать нечто, может следовать как то, что он не мог поступить иначе, так и то, что он не несет моральной ответственности за свое действие. Однако то, что человек не несет моральной ответственности, не является следствием его неспособности поступить иначе. Позиция, согласно которой принуждение исключает моральную ответственность, истолковывается некорректно, а именно — как частная версия принципа альтернативных возможностей.

Предположим, что какому-то человеку очень убедительно угрожают наказанием, которое представляется ему неприемлемым, и что он затем делает то, что требовал угрожающий. Можно представить детали, которые сделают весьма правдоподобным, что человека принудили сделать соответствующее действие, что он не мог поступить иначе и что он не несет моральной ответственности за сделанное. Между тем, что конкретно в подобных ситуациях гарантирует, что человек, которому угрожали, не несет моральной ответственности за свое деяние?

К ответу на этот вопрос можно подойти, рассмотрев ситуации следующего типа. Джонс по собственным основаниям решает нечто сделать. Затем некто угрожает ему очень суровым наказанием (настолько суровым, что всякий разумный человек подчинился бы), если он не совершит то же самое действие, и Джонс совершает его. Будем ли мы считать Джонса морально ответственным за сделанное? Думаю, это будет зависеть от того, какую роль в его поступке играло первоначальное решение, а какую — угроза.

Один из вариантов состоит в том, что Джонс₁ — неразумный человек: он, напротив, делает то, что однажды решил, вне зависимости от последующих событий и вне зависимости от того, чего это будет стоить. В таком случае угроза не оказала на него никакого реального воздействия. Он действовал, совершенно не оглядываясь на нее, словно бы и не знал о ней. Если дело обстоит подобным образом, то в данной ситуации вообще нет принуждения. Угроза не заставила Джонса₁ сделать то, что он сделал. Равным образом она не могла помешать ему поступить иначе: если бы перед этим он принял какое-нибудь другое решение, то угроза несколько бы не устрасила его. В подобных обстоятельствах

представляется очевидным, что факт угрозы Джонсу₁ никоим образом не умаляет моральную ответственность, которую он понес бы за свой поступок и без нее. Это, однако, не является контрпримером ни к тезису о том, что принуждение освобождает от ответственности, ни к принципу альтернативных возможностей. Мы предположили, что Джонс₁ — такой человек, на которого угроза не оказывает принуждающего воздействия; следовательно, она в действительности не лишает его альтернатив совершенному поступку.

Другой вариант состоит в том, что Джонс₂ был повергнут угрозой в панику. В силу этой угрозы он совершил бы это действие вне зависимости от ранее принятого решения. Более того, угроза настолько глубоко подавила его, что он совершенно забыл о своем прежнем решении и сделал требуемое от него исключительно в силу ужаса перед наказанием, которым ему пригрозили. В данном случае для совершенного им поступка совершенно несущественно, что ранее Джонс₂ сам принял решение так поступить. Когда дошло до дела, он думал лишь об угрозе, и только страх заставил его совершить поступок. Тот факт, что ранее Джонс₂ решил действовать точно так же по своим собственным основаниям, может быть важен для оценки его характера; он может нести полную моральную ответственность за принятие *данного* решения. Однако едва ли можно сказать, что он ответственен за свой поступок. Ведь он совершил действие исключительно в результате принуждения, которому его подвергли. Его предшествующее решение не сыграло никакой роли в том, что он поступил именно так, и потому было бы неоправданно приписывать этому решению какую бы то ни было значимость при моральной оценке его поступка.

Теперь рассмотрим третий вариант. Джонс₃ не впал в панику, но также и не остался равнодушен к угрозе. Она обеспокоила его, как обеспокоила бы любого разумного человека. Джонс₃ искренне подчинился бы, если бы ранее уже не принял решение, совпадающее с требуемым от него. В реальности, однако, он совершил соответствующий поступок только в силу принятого им еще до угрозы решения. Мотивом его действия была не угроза, но исключительно те соображения, которые изначально сделали данный поступок для него привлекательным. Не угроза побудила его действовать, хотя все обстояло бы именно так, если бы прежде он не нашел для себя достаточного основания так поступить.

Несомненно, в подобном случае было бы очень трудно узнать, что именно произошло. Действовал ли Джонс₃ в силу угрозы, или его основания ограничивались исключительно теми, которые изначально

убедили его поступить соответствующим образом? Или он действовал на основе двух мотивов, каждый из которых был достаточен для его действия? Однако данная ситуация может оказаться и несколько проще, чем подобные ей обычно бывают. Предположим, для нас несомненно, что Джонс₃ действовал на основе своего собственного решения, а не в силу угрозы. Тогда, я полагаю, мы могли бы оправданно считать, что его моральная ответственность никак не затрагивается угрозой, несмотря на то, что он не мог избежать совершенного поступка, поскольку в любом случае подчинился бы угрозе. Относительно его моральной ответственности мы могли бы сделать тот же самый вывод, как если бы он вовсе не знал об угрозе. Ведь угроза в действительности не повлияла на совершение действия. Он сделал то, что сделал, точно так же, как если бы угрозы вообще не было.

III

На первый взгляд может показаться, что случай с Джонсом₃ совмещает принуждение и моральную ответственность и, таким образом, является контрпримером к тезису, что принуждение освобождает от моральной ответственности. Однако это вовсе не так очевидно, поскольку остается неясным, есть ли в этом примере настоящее принуждение. Можем ли мы сказать о Джонсе₃, что он был принужден сделать нечто, если до этого он сам решил так поступить и если он действовал исключительно на основе этого решения? Или точнее будет сказать, что Джонса₃ не принудили к данному действию, хотя он и понимал, что существует непреодолимая сила, в соответствии с которой он должен так поступить? Мои собственные лингвистические интуиции указывают на второй вариант, однако они несколько двусмысленны. Возможно, мы можем утверждать и то, и другое — или, быть может, выбор любого из вариантов потребовал бы дополнительных пояснений.

Подобная неясность, однако, не мешает нам извлечь важный урок из рассмотрения данного примера. Допустим, мы решим сказать, что Джонса₃ не принудили. Основанием для этого утверждения, очевидно, будет то, что некорректно считать человека принужденным сделать нечто, если только он не делает это нечто *из-за* воздействующей на него принуждающей силы. Кроме того, необходимо, чтобы его поступок объяснялся именно угрозой. С другой стороны, предположим, мы решили сказать, что Джонса₃ действительно принудили. В этом случае мы также будем обязаны признать, что принуждение не исключает моральную ответственность. Кроме того, мы, конечно, придем к выводу,

что принуждение влияет на суждение о моральной ответственности только тогда, когда человек совершает поступок, потому что принужден так действовать, т. е. когда факт принуждения объясняет его действие.

Следовательно, что бы из этого мы ни решили сказать, в любом случае надо признать, что тезис об исключении моральной ответственности принуждением не является частной версией принципа альтернативных возможностей. Ситуации, в которых совершающий некоторый поступок человек не может поступить иначе, поскольку на него воздействуют принуждающей силой, либо вообще не являются примерами принуждения, либо они таковы, что человек все равно может быть морально ответственным за то, что он сделал, если он сделал это не в силу принуждения. Извиняя принужденного к чему-либо человека, мы извиняем его не потому, что он не мог поступить иначе. Даже если человек подвергается воздействию принуждающей силы, которая препятствует совершению любого иного действия, помимо данного, он все же может нести полную моральную ответственность за совершение этого действия.

IV

В той степени, в какой принцип альтернативных возможностей черпает убедительность из ассоциативной связи с тезисом об освобождении от ответственности в случае принуждения, ясное понимание последнего снижает привлекательность первого. В действительности случай с Джонсом₃ не только проясняет отношение между двумя тезисами. Он также может представляться убедительным контрпримером к принципу альтернативных возможностей и, таким образом, показывать, что этот принцип ложен, поскольку непреодолимость угрозы, которой подвергся Джонс₃, можно понять так, что он не мог не совершить свой поступок. И все же, т. к. Джонс₃ действовал без оглядки на угрозу, она не умаляет его моральной ответственности за сделанное.

Несомненно, против предположения, что случай Джонса₃ является контрпримером к принципу альтернативных возможностей, будет выдвинуто следующее возражение. Возможно, есть смысл, в котором Джонс₃ не мог поступить иначе, нежели совершить данное действие, поскольку он разумный человек, а угрозы, с которой он столкнулся, вполне достаточно, чтобы оказать воздействие на любого разумного человека. Но отнюдь не этот смысл соответствует принципу альтернативных возможностей. Знание Джонса₃ о том, что он понесет невыносимо суровое наказание, не означает, что Джонс₃, строго говоря, *не может* совершить любое иное действие. В конце концов, у него все еще есть

возможность — и это ключевой момент — пренебречь угрозой, если он того пожелает, и принять наказание, которое его действие навлечет на него. В том смысле, в котором принцип альтернативных возможностей использует понятие «мог поступить иначе», неспособность Джонса₃ противостоять угрозе не означает, что он не может поступить иначе, нежели совершить то действие, которое он совершает. Следовательно, случай Джонса₃ не является контрпримером к данному принципу.

Я не предлагаю рассматривать тот смысл, в котором понятие «мог поступить иначе» представлено в принципе альтернативных возможностей, а также не буду оценивать силу только что представленного возражения¹, поскольку я считаю, что сколь бы сильным ни было это возражение, на него можно ответить, изменив пример следующим образом². Допустим, кто-то, к примеру, некий Блэк, хочет, чтобы Джонс₄ совершил определенное действие. Блэк готов довольно далеко зайти, чтобы добиться своего, но предпочитает без необходимости себя не обнаруживать. Потому он ждет, пока Джонс₄ сам не будет готов решить, как поступить, и ничего не делает, пока ему не станет ясно (а Блэк в таких вещах отлично разбирается), что Джонс₄ собирается принять решение, *отличное* от того, которое Блэк от него хочет. Если станет ясно, что Джонс₄ вот-вот решит сделать что-то другое, Блэк предпримет ряд действенных мер, чтобы гарантировать, что Джонс₄ решит поступить и действительно поступит так, как хочет Блэк³. Таким об-

¹ Два основных понятия, которые используются в принципе альтернативных возможностей, — «морально ответственный» и «мог поступить иначе». Обсуждение принципа без анализа этих понятий может показаться бандитской вылазкой. Читателю следует отметить, что мой Веселый Роджер уже развернут.

² Придумав пример, который сейчас будет изложен, я узнал, что Роберт Нозик в лекциях, прочитанных несколько лет назад, также сформулировал пример данного типа и предложил его в качестве контрпримера к принципу альтернативных возможностей.

³ Допущение о возможности Блэка предсказать решение Джонса₄ не подразумевает детерминизма. Мы можем представить, что Джонс₄ часто сталкивался с альтернативами *A* и *B*, с которыми он имеет дело и сейчас, и что его лицо всегда передергивало, когда он был готов решить в пользу *A*, но такого никогда не случалось, если он был готов выбрать *B*. Зная это и увидев передернувшееся лицо, Блэк получит основу для предсказания. Это, безусловно, предполагает, что существует некоторое причинное отношение между состоянием Джонса₄ в момент, когда у него передергивается лицо, и его последующими состояниями. Однако любой здравый подход к решению или действию допускает, что принятие решения и совершение действия включают более раннюю и более позднюю фазы, которые связаны причинным отношением, и что более ранние фазы сами по себе не являются частью решения или действия. Пример не требует, чтобы эти фазы были детерминистически связаны с последующими событиями.

разом, каковы бы ни были изначальные предпочтения и склонности Джонса₄, Блэк своего добьется.

Какие шаги предпримет Блэк, если сочтет это необходимым, чтобы гарантировать, что Джонс₄ решит и поступит так, как хочет Блэк? Всякий, у кого есть своя теория относительно значения выражения «мог поступить иначе», сам может ответить на этот вопрос, описав, какие меры он счел бы достаточными для того, чтобы гарантировать, что в соответствующем смысле Джонс₄ не может поступить иначе. Пусть Блэк грозит всяческими ужасами и таким образом заставляет Джонса₄ совершить желаемое действие и одновременно не позволяет выбрать запрещенное. Пусть Блэк даст Джонсу₄ зелье или загипнотизирует его так, что у Джонса₄ возникнет непреодолимое внутреннее влечение совершить то деяние, которого хочет Блэк, и избежать других. Или пусть Блэк манипулирует текущими процессами в мозге и нервной системе Джонса₄ более непосредственным образом, так, чтобы каузальные силы, движущиеся туда и обратно по синапсам и нервам несчастного, детерминировали, что он решит поступить и действительно поступит именно так, а не иначе. Каковы бы ни были условия, при которых можно сказать, что Джонс₄ не может поступить иначе, пусть Блэк создаст эти условия. Структура примера, по моему мнению, является достаточно гибкой для того, чтобы можно было обойти любой упрек в несоответствии, приспособив пример к положениям той теории, на которой этот упрек основан⁴.

Предположим теперь, что Блэку не пришлось обнаруживать себя, поскольку Джонс₄ по собственным основаниям решает совершить и совершает то самое действие, которое было нужно Блэку. В этом случае, что очевидно, Джонс₄ будет нести ту же самую моральную ответственность за сделанное, какую он понес бы, если бы Блэк не был готов предпринять шаги, чтобы обеспечить осуществление Джонсом₄ этого действия. Было бы весьма неразумно прощать Джонса₄ за его действие или воздерживаться от похвалы, которую он в противном случае заслужил бы, на основании того факта, что он не мог поступить иначе. Этот факт вообще никак не сказался на том, что привело его к совершению

⁴Пример также достаточно гибок, чтобы позволить вообще устранить Блэка. Всякий, кто думает, что эффективность примера подрывается опорой на человека-манипулятора, который навязывает свою волю Джонсу₄, может заменить Блэка на машину, которая запрограммирована делать то же, что и Блэк. Если и этого недостаточно, забудьте и о Блэке, и о машине, предположив, что их роль играют силы природы, которые вообще не связаны с волей или умыслом.

действия. Он поступил бы так же, даже если бы дело обстояло иначе. На самом деле все случилось именно так, как оно случилось бы и без присутствия Блэка в этой ситуации и без его готовности вмешаться в нее.

В этом примере имеют место достаточные условия для совершения Джонсом₄ требуемого действия. От него не зависит, какое действие он совершит. Конечно, в некотором роде от него зависит, будет ли он действовать сам или в результате вмешательства Блэка. Это зависит от того, какое действие он сам будет склонен совершить. Но будет ли он в конечном счете действовать сам или в результате вмешательства Блэка, он совершит одно и то же действие. У него нет альтернатив, кроме как сделать то, что от него хочет Блэк. Однако если он осуществит это действие сам, на его моральную ответственность за поступок не повлияет тот факт, что Блэк маячил на заднем плане с коварным замыслом, поскольку этот замысел никак не реализовался.

V

Тот факт, что человек не может избежать какого-либо действия, является для него достаточным условием совершения этого действия. Но, как показывают некоторые из моих примеров, этот факт может не играть никакой роли для объяснения причин его поступка. Он может вовсе не относиться к обстоятельствам, которые действительно привели человека к совершению именно этого поступка, и в таком случае его действие должно объясняться на совершенно иных основаниях. Иначе говоря, даже если человек не мог поступить иначе, он мог совершить поступок вовсе *не потому*, что не мог поступить иначе. Тогда если у человека нет альтернатив определенному действию, но он совершает его вовсе не потому, что не мог поступить иначе, то он поступил бы точно так же, даже если бы *мог* поступить иначе. Обстоятельства, которые исключали для него возможность поступить иначе, можно убрать из ситуации — это никак не повлияет на произошедшее и на то, почему все так случилось. Что бы в действительности ни привело к совершенному человеком поступку или что бы ни заставило его так поступить, то же самое привело бы к данному поступку или заставило бы его так поступить, даже если бы он мог поступить как-то иначе.

Таким образом, если речь идет о поступке человека или о том, как он пришел к его совершению, ничего бы не изменилось, если бы обстоятельства, делавшие осуществление этого поступка неизбежным, не имели бы места. Тот факт, что он не мог поступить иначе, очевидно, не дает оснований предполагать, что он, *может быть*, поступил бы иначе,

если бы имел такую возможность. Если некоторый факт оказывается в этом смысле нерелевантным для объяснения поступка человека, кажется неоправданным приписывать ему какую-либо значимость при оценке моральной ответственности. Почему данный факт стоит принимать во внимание при вынесении морального суждения относительно конкретного человека, если он никоим образом не помогает понять, ни что заставило человека так поступить, ни что он мог бы сделать в иных обстоятельствах?

Вот почему принцип альтернативных возможностей ложен. Он утверждает, что человек не несет моральной ответственности за совершение действия, т. е. что его надо освободить от нее, если имели место обстоятельства, которые делали невозможным для него избежать совершения этого действия. Однако могут существовать обстоятельства, которые исключали для него возможность не совершать это действие, при том что эти обстоятельства никоим образом не будут приводить к тому, что человек совершит данное действие. Было бы совершенно бесполезно апеллировать к такого рода обстоятельствам, пытаясь снять с себя моральную ответственность за совершение соответствующего действия. Поскольку эти обстоятельства, согласно допущению, в действительности не имеют никакого отношения к тому, что человек поступил именно так. Он сделал бы то же самое, он точно так же пришел бы к этому действию, даже если бы данные обстоятельства не возобладали.

Конечно, мы часто извиняем людей за сделанное, если они говорят нам (а мы верим), что не могли поступить иначе. Но это происходит потому, что мы полагаем, что сказанное ими объясняет, почему они так поступили. Мы по умолчанию предполагаем, что они не лицемерят, как тот, кто указал бы в качестве оправдания, что не мог избежать сделанного, хотя отлично знал бы, что сделал это вовсе не потому.

Сказанное мной наводит на мысль, что принцип альтернативных возможностей должен быть пересмотрен так, чтобы он гласил, что человек не является морально ответственным за сделанное, если он сделал это потому, что не мог поступить иначе. Можно заметить, что данная ревизия принципа не особенно влияет на аргументы тех, кто полагался на исходный принцип, пытаясь доказать, что моральная ответственность и детерминизм несовместимы. Ведь если определенное действие человека было каузально детерминировано, будет верным сказать, что человек совершил его в силу наличия этих каузально детерминирующих

обстоятельств. В таком случае, если факт каузальной детерминированности некоторого поступка означает, что совершивший его человек не мог поступить иначе, как обычно предполагают философы, отстаивающие инкомпатибилистскую позицию, то факт каузальной детерминации некоторого поступка будет означать, что человек совершил его потому, что не мог поступить иначе. Если принять это допущение относительно значения выражения «мог поступить иначе», то из пересмотренного принципа альтернативных возможностей следует вывод, что человек не является морально ответственным за сделанное, если это действие было каузально детерминировано. Я не верю, однако, что с такой ревизией принципа можно согласиться.

Допустим, некоторый человек говорит нам, что он сделал нечто потому, что не мог поступить иначе. Или представим, что он похожим образом утверждает, что сделал нечто потому, что был вынужден. Мы часто принимаем подобные утверждения — если верим им — в качестве достойных оправданий, и такие утверждения, на первый взгляд, подразумевают пересмотренный принцип альтернативных возможностей. Однако я считаю, что когда мы принимаем подобные суждения в качестве достойных оправданий, это происходит потому, что мы предполагаем, что нам говорят нечто большее, нежели то, что сказано буквально. Мы полагаем, что оправдывающийся человек имеет в виду, что сделал нечто *только из-за того*, что не мог поступить иначе, или *только потому*, что был вынужден так поступить. Если быть более точным, мы понимаем его следующим образом: он совершил поступок не потому, что действительно хотел его совершить. Таким образом, принцип альтернативных возможностей, с моей точки зрения, должен быть заменен следующим принципом: человек не является морально ответственным за сделанное, если он сделал это только потому, что не мог поступить иначе. Этот принцип, как представляется, не противоречит позиции, согласно которой моральная ответственность совместима с детерминизмом.

Следующие тезисы могут быть одновременно истинными: имели место обстоятельства, которые исключали для человека возможность избежать некоторого действия; эти обстоятельства действительно сыграли определенную роль в том, что привело его к действию, потому будет верным сказать, что он сделал это, поскольку не мог поступить иначе; этот человек действительно хотел сделать то, что сделал; он поступил так, поскольку именно так и хотел поступить, потому было бы неверным утверждать, что он поступил соответствующим образом только потому,

что не мог поступить иначе. В данных условиях человек вполне может быть морально ответственным за свое действие. С другой стороны, он не будет морально ответственным за него, если осуществил его только потому, что не мог поступить иначе, даже если он действительно хотел так поступить.

Frankfurt, G. [Frankfurt, H. G.] 2017. "Al'ternativnyye vozmozhnosti i moral'naya otvet-stvennost' [Alternate Possibilities and Moral Responsibility]" [in Russian], trans. from the English by A. S. Mishura. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] 1 (4), 129–140.

HARRY FRANKFURT

ALTERNATE POSSIBILITIES AND MORAL RESPONSIBILITY

Translation of: Frankfurt, H. 1969. "Alternate Possibilities and Moral Responsibility." *The Journal of Philosophy* 66 (23): 829–839.